

Лауреат международных конкурсов, солист Московской филармонии, пианист Филипп Копачевский давно известен столичной публике. Меломанам памятли его выступления с Мстиславом Ростроповичем, Евгением Колобовым, Владимиром Спиваковым, Михаилом Плетневым, Максимом Венгеровым, Евгением Бушковым, Марком Горенштейном. В интервью молодой музыкант рассказал, почему родители хотели видеть его флейтистом и что делать, если приходится играть одну и ту же программу несколько дней подряд.

Филипп КОПАЧЕВСКИЙ:

ЖИВОЙ КОНЦЕРТ – НЕКОЕ ТАИНСТВО

Виктория ИВАНОВА

– Ваши родители – музыканты. Судьба была предопределена?

– Скорее наоборот. Они понимали, как тяжело в наше время добиться в музыкальной среде каких-либо высот. В ЦМШ меня привела бабушка, родители в этот момент находились не в России. Планировалось, что я пойду по стопам отца и стану флейтистом, но я не проучился на флейте даже года и вскоре перешел на фортепиано.

– Не было желания бросить музыку?

– Нет. Мне всегда хотелось быть самостоятельным, делать выбор. Родители научились мне доверять. Если хотел заниматься – занимался, и это было продуктивно. А если меня заставляли – не было никакого толка. Иногда за один час можно сделать то, что не можешь сделать за восемь. Очень важен правильный настрой. Бывают моменты, когда кажется, что ничего не получается, хочется все бросить, но это продолжается минут десять. Потом ты понимаешь, что нужно работать, что работа любимая, и что все это действительно много для тебя значит.

– Эти моменты должен приходить на помощь педагог. У вас – звездные педагоги: первая учительница Плетнева Кира Шашкина, консерваторский профессор Сергей Доренский, выпустивший не одну плеяду знаменитостей.

– Педагог не обязан быть психологом и решать твои внутренние проблемы. Мои педагоги учили меня в первую очередь не привыкать к ним, не бежать каждую секунду за советом – сделать ли здесь акцент или крещендо. Учили думать своей головой. Кира Александровна Шашкина очень детально занималась, но иногда наступал момент, когда она говорила: «Что-то не то. Иди ищи». При этом она не давала никаких конкретных направлений, что очень правильно. У меня была свобода выбора и решения. Сейчас с детьми зазубривают каждую ноту, а потом человек поступает в консерваторию, где у педагогов меньше времени и все не так детально, и он просто не знает, что делать. Школа выпускает музыканта уже в какой-то степени сформировавшимся, и в консерватории происходит шлифовка, для которой у человека должна быть своя голова на плечах. Но она будет, только если ребенка этому учили в школе.

– Не в этом ли скрывается парадокс, что поступают в консерваторию на фортепианный факультет 60 человек, а концертирующими становятся единицы?

– Здесь играет роль множество факторов, и универсального решения проблемы нет. Если бы было средство, как стать знаменитым, не было бы столько интересных судеб. У меня до 16 лет все концерты были с подачи школы, как у любого уче-

ника. А потом я старался пользоваться каждой возможностью играть. Везде, где попросят. Мне было все равно, куда ехать, какие условия. Хотелось нести то, что мне казалось важным. А в 19 лет Московская филармония предложила стать солистом, с тех пор концертов с каждым годом все больше и больше. Сейчас у них появилось несколько новых и интересных проектов по России. Играть в России всегда очень приятно, везде есть что-то родное.

– **А как появилась «лазейка» на Запад?**

– В первую очередь – международные конкурсы и ангажементы от них. В США – по приглашению. Было около 30 концертов по всей Японии в рамках проекта, посвященного Шопену.

– **Два года назад вы практически дошли до финала Конкурса имени Чайковского.**

– Такие вещи закаляют, внутри что-то переключается. Это либо стимул к работе, либо, если человек очень впечатлительный, лишний повод к депрессии. Я очень скоро понял, что конкурс сделал для меня больше хорошего, и по сути – ничего плохого. Появились новые предложения. Стоит отметить, что конкурс был очень высок по уровню. Думаю, никто не ожидал, что он окажется настолько сильным.

– **Творческие приоритеты как-то изменились?**

– В каком-то смысле. Вопрос совершенствования никто не отменял. Мнений всегда множество. Надо брать рациональное звено, но пытаться угодить всем – попытка поймать двух зайцев. Самое главное – сохранять свой стержень. Ведь никто не знает лучше, что делать человеку, кроме него самого.

– **Но желание участвовать в конкурсах не пропало?**

– Я всегда считал, что конкурсы нужны, чтобы увеличивалось количество концертов. Я уважаю тех, кто много играет на конкурсах. Но не понимаю, когда человек ездит по конкурсам, у него появляется множество концертов, и он отменяет эти концерты, чтобы снова поехать на конкурс. Это какая-то ненасытность, которая к музыке не имеет отношения. Если ты получил серьезную премию, карьера пошла в гору – совершен-

ствуйся, играй. Зачем еще и еще? Это похоже на маниакальное безумие.

– **Но ни для кого ни секрет, что это – зарабатывание денег.**

– Всех денег не заработаешь.

– **Через два года новый конкурс. Будете участвовать?**

– Я не планирую ничего так сильно заранее. Два года – очень большой срок, может упасть еще несколько метеоритов. Время покажет.

– **По традиции, лауреатов конкурсов заставляют играть одну и ту же программу. У вас свобода в выборе репертуара больше?**

– Иногда приходится ехать в тур и играть одну и ту же программу по несколько раз. Универсального решения здесь опять-таки нет. Всегда нужно помнить, что кто-то в зале слышит это сочинение первый раз, а кто-то – последний. По большому счету, никому не интересно, в который раз ты играешь концерт Чайковского, публика приходит слушать музыку.

– **Сейчас постоянно говорят о кризисе академической музыки.**

– Я бы не стал говорить о кризисе. Конечно, индустрия спецэффектов и трюков активно развивается. В кино, в цирке или в театре. А в сфере академической музыки, по большому счету, ничего не изменилось. Как 200 лет назад человек выходил на сцену, садился за рояль и играл, так и сейчас. Меняется все вокруг, но не сам процесс. Молодое поколение плохо контактирует с классической музыкой. Они идут в кино посмотреть спецэффекты, а в концертном зале им потом чего-то не хватает. Но никакой конкуренции с развлекательными жанрами нет. Есть люди, которым интересно одно, и которым интересно другое.

– **Стоит ли пытаться всеми силами привлечь внимание к классике?**

– Ни в коем случае. То, что музыка сейчас звучит в магазинах, кафе, повсюду, играет не в ее пользу, она становится фоном. Но классика не вымрет – людям свойственно преувеличивать. На самом деле огромное количество людей разбира-

ется в классике, посещает концерты. А благодаря Интернету аудитория классической музыки расширяется в разы. Есть меломаны, которые чего-то не понимают, но их притягивает атмосфера, красота, или они просто ищут контраст с боевиками и сериалами про убийц, которыми засорен эфир телевидения. Живой концерт – некое таинство. Мне бы хотелось, чтобы музыка выполняла свое предназначение. Каждый человек приходит на концерт со своим настроением и за разными эмоциями. И музыка должна дарить человеку то, что он хочет. Должна радовать, нести смысл.

– **А если в магазине включить Моцарта?**

– А его будут там слушать? Лучше не надо. Потом люди приходят на концерт, слышат ту же 40-ю симфонию, и в голове у них отпечатывается, что это они слышали в магазине.

– **Сейчас вы играете до 70 концертов в год. Есть ли в планах расширить сферу деятельности? Начать преподавать, дирижировать?**

– О преподавании пока говорить рано. Еще впереди аспирантура, я сам пока учусь. Пока есть возможность играть – надо играть. Преподавание отнимает очень много сил. Но впоследствии я с радостью стану ассистентом. Мне было бы интересно заниматься с уже сформировавшимся человеком. Я могу

подкинуть какие-то идеи. Но делать каждую ноту пока не готов, не хватит терпения. Что касается дирижирования – сейчас все подряд идут дирижировать, а это тоже целая профессия. И если бы я мог вкладывать столько сил, сколько я вкладываю в игру на рояле, то попробовал бы.

– **Случались ли забавные случаи на гастролях?**

– Иногда. По крайней мере, с некоторых пор я всегда вожу концертный костюм в самолетах только в ручной клади. Однажды по дороге в Италию потеряли мой багаж, и пришлось брать костюм напрокат. При этом мне взяли костюм на 3-4 размера больше. Представляете, как я выглядел на сцене? Еще один случай был уже в России. Мне позвонили и предложили концерт. Только потом выяснилось, что у них нет рояля. Я опешил – а что вы тогда от меня хотите? На что получил ответ: «А что, вы больше ничего не умеете?». И такое бывает...

– **Остается время на что-нибудь, кроме музыки?**

– Я не ограничиваю круг своих интересов. Быстро загораюсь, иногда быстро перегораю. Так бывало со многими моими увлечениями в детстве: это и живопись, и склеивание моделей, и радиоуправляемые самолеты. Более-менее стабильным, на верное, остается футбол. Я стараюсь смотреть интересные матчи и всегда рад погонять футбольный мяч.